

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт Национальной статистической комиссии Монголии <http://www.nso.mn/>.
2. Статистические данные Столичного статистического управления Монголии <http://ubstat.mn/Statistics>.
3. Баатаржав Н. Криминология. Улан-Батор: Наранбулаг. 2005. 170 с.
4. «От большого государства - мудрое государство» / Национальное Консультативное совещание от 13 ноября 2013 года.
5. Жанцан С. Юридическая психология. Улан-Батор, 2001. 55 с.
6. Кан Уэда Преступность и криминология. Улан-Батор, 1990. 200 с.
7. Официальный сайт Национального Агентства полиции Монголии <http://www.police.gov.mn/>
8. Гантулга Н., Хармаев Ю.В. Некоторые вопросы ресоциализации осужденных в Монголии // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т. 9. № 2. С. 378.
9. Беккариа Чезаре. О преступлении и наказании. Улан-Батор, 2009. 124 с.
10. Жанцан С. Криминология. Улан-Батор, 2008. 80 с.
11. Жанцан Н. Причины и условия преступления, совершаемых несовершеннолетними. Улан-Батор, 2008. 136 с.
12. Лхагвадорж О. Преступление и борьбы, проблемы их предотвращения. –Улан-Батор, 2015. 199 с.
13. Лхагваням Б. Причины и условия преступления, и разработать способы борьбы // Дисс. канд. юрид. наук. Улан-Батор, 2017. 60 с.
14. Түмэнбаяр А. Участие полиции в предупреждении преступности несовершеннолетних, его регулирование. Дисс. канд. юрид. наук. Улан-Батор, 2012. 46 с.
15. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Государственно-правовой механизм охраны семьи и прав ребенка в РФ // Российский следователь. 2015. № 9. С. 22-27.
16. Гантулга Н., Хармаев Ю.В. Проблемы приграничного сотрудничества с Монголией в контексте миграционной политики государства на современном этапе // Вестник ВСИ МВД России. 2016. № 4. С. 33-40.
17. Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Законодательная регламентация незаконного помещения в психиатрический стационар // Российский следователь. 2013. № 18. С. 33-35.
18. Пүрэврагчаа С. Вопросы профилактики подростковой преступности. Улан-Батор, 2007. 50 с.

А.В. БЫКОВ

Институт повышения квалификации
ФГКОУ «Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации»
г. Хабаровск, Российская Федерация
кандидат юридических наук, доцент

Н.А. ТРОФИМОВА

Хабаровский краевой суд
г. Хабаровск, Российская Федерация

**СУДЕБНЫЕ СИСТЕМЫ РОССИИ И КИТАЯ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Эволюция государственно-правовых явлений свидетельствует о взаимосвязи экономических, социально-культурных особенностей территорий с формой организации в них публичной власти. Этот процесс объективизирует уникальность содержания тех или иных государственных институтов, ярким примером чего являются органы судебной власти.

В отрыве от реальных задач, обусловленных конкретными нуждами участников правовых отношений, судебные органы не способны осуществлять свою главную функцию - эффективного правосудия. Рассуждая о судебной власти как о важнейшем элементе механизма обеспечения баланса общественно-политической жизни государства, нельзя забывать о том, что плодотворность отправления правосудия во многом характеризует степень приближения конкретной страны к воплощению конституционно-правовых гарантий государственной защиты прав и законных интересов личности. При этом конкретные результаты работы судебных органов формируют уровень уважения населения к суду: от нигилизма до почитания [1. С. 43]. Именно поэтому в развитых государствах эффективизация системы отправления правосудия проводится не только с учетом национальных конституционных принципов, но и региональных экономических, социально-культурных особенностей [2. С. 32].

Так, формулируя концепцию работы российской судебной системы, Президент России В.В. Путин отметил, что проводимые реформы должны, «...прежде всего, способствовать повышению качества и доступности правосудия. Достижение указанной цели зависит от профессионализма судей, стремления детально разобраться в деле и вынести законное, справедливое, морально обоснованное решение» [3]. Примечательно, что высказанная позиция высшего должностного лица государства развивает положения статей 1, 52 и 120 Конституции Российской Федерации о правовом государстве, доступности правосудия, а также независимости судей.

По другому прозвучали тезисы, озвученные в январе 2017 года Председателем Верховного народного суда Китайской Народной Республики

Чжоу Цяном. Отмечая задачи, стоящие перед китайскими судами, Чжоу Цян отметил, что генеральным направлением их работы является профессиональное, дисциплинированное отстаивание ключевых социалистических ценностей, причем в своей деятельности суды обязаны соблюдать лояльность к Коммунистической партии Китая, а также противостоять таким идеям как «разделение властей» и «независимость судейского сообщества» [4]. Высказанная позиция, относительно, казалось бы, универсальных принципов современного государственного строительства, во многом объясняется Преамбулой и положениями статьи 128 Конституции Китая, закрепляющими руководящую роль Коммунистической партии, а также подотчетность Верховного Народного Суда Всекитайскому Собранию Народных Представителей и его Постоянному Комитету, местных народных судов разных уровней - создавшим их территориальным органам государственной власти.

Указанные принципиальные различия в парадигмах судебных систем России и Китая, с одной стороны, обуславливают неразрешимые коллизии взаимодействия судебных органов двух стран. С другой стороны, такое положение требует научного осмысления возможных механизмов преодоления таких разнонаправленных тенденций с целью обеспечения насущных потребностей судов в вопросах международного сотрудничества при рассмотрении уголовных дел. Например, если речь идет о судебном допросе граждан, проживающих на сопредельных территориях, а также истребовании документов.

Дело в том, что объективная оценка судебной системы государства исходит из реальных возможностей граждан и их объединений защитить свои интересы в суде [5. С. 71]. В России и Китае сформированы уникальные судебные системы: их структура и содержание обусловлены традиционно-сложившимися принципами формирования и функционирования таких органов. Несмотря на различный исторический путь, летопись государственности

России и Китая свидетельствует об общих тенденциях развития судебных систем.

Так, о философской доктрине правосудия в древнем Китае свидетельствует исторические жизнеописания царя династии Цзинь Дао-гуна (490-477 до н. э.), который «...определил все дела, назначил чиновников, стал... отбирать [на службу] мудрых и добронравных,... закончил рассмотрение старых дел, помиловал находящихся в заключении, освободил от наказания лиц, вина которых вызывала сомнение...» [6. С. 205]. В этой стране полномочия высшей судебной инстанции издревле осуществлялись верховным правителем (ваном). К средним векам в стране сложилась система правосудия, отправляемого ответственными лицами того или иного уровня, начиная от низового звена – старейшины деревни, заканчивая императором. Такое единство управленческих и судебных функций наблюдалось вплоть до начала XX века, когда в ходе реформ была создана обособленная судебная система. По замечанию А. Цзехуэя, Китай, переживший длительную эпоху рабства и феодализма, отличался от других древних государств Востока, никогда не имевших социальных потребностей в системе присяжных заседателей, а также оснований для их появления [7. С. 12]. Однако революционные преобразования 1930-х годов восполнили судебную систему Китайской советской республики участием в отправлении правосудия народных заседателей. После Второй мировой войны в соответствии с Временным организационным положением народных судов Китайской народной республики, принятым Комитетом центрального народного правительства в 1951 году, этот судебный режим «МаХиуи» был преобразован в институт выборных народных заседателей, просуществовавший вплоть до культурной революции. В конце 1970-хх Законом «Об организации суда» и Уголовно-процессуальным кодексом КНР [8. С. 314-365] представители народа были вновь допущены для отправления правосудия наравне с профессиональными судьями.

Немногочисленные законодательные акты Китайской народной республики в области организации правоохранительной деятельности

обусловили относительную стабильность судебной системы. Сегодня суды Китая имеют четкую отраслевую судебную компетенцию. Так, помимо местных народных судов в стране работают специализированные суды лесного хозяйства, военные и морские суды, а также суды железнодорожного транспорта. К их подсудности относятся гражданские дела, связанные с железнодорожным транспортом, дела о преступлениях, совершенных на железнодорожном транспорте, гражданские и уголовные дела с участием работников железнодорожных служб, а также экономические споры, затрагивающие Министерство железнодорожного транспорта Китая [9]. При этом суды железнодорожного транспорта – это двухзвенная система (суды при отделениях железных дорог и при управлениях железных дорог). Внутри железнодорожных судов действуют коллегии по гражданским, уголовным и экономическим делам. Для специализированных железнодорожных судов вышестоящими являются народные суды высшей ступени (суды общей юрисдикции, действующие на уровне провинции, автономного района, города центрального подчинения). При этом подсудность дел для железнодорожных судов может определяться по месту ближайшей остановки поезда или по пункту назначения. Пределы подсудности судам железнодорожного транспорта, определенные народными судами высшей ступени, подлежат утверждению Верховным судом КНР. Стоит сказать, что когда-то в СССР также работали специализированные суды на железнодорожном транспорте, однако действующая система государственных органов России включает только транспортные (линейные) управления внутренних дел, прокуратуры и Следственного комитета.

В отличие от восточных деспотий, зарождение судебных органов России связывают с крещением Руси и наделением судебными полномочиями клириков и княжеских наместников. Такие средневековые памятники права как Устав «О десятинах, судах и людях церковных», «Русская правда Ярослава Мудрого» [10] заложили руководящие начала работы судебных инстанций на основе христианских представлений об ответственности, справедливости и

возмездии. По мере развития российской государственности формирование и работа судебных органов продолжали носить сословный характер вплоть до издания Императрицей Екатериной II в 1762 году Манифеста «О лихоимстве» и Закона 1775 года «Учреждения для управления губерний» [11. С. 208, 212; 19]. По велению императрицы намечались отделение судов от административной власти и выборность судей местным населением [12. С. 8]. Затем важнейшим этапом развития российского правосудия стала Судебная реформа 1864 года, в ходе которой судебная власть была отделена от административной, создана отраслевая судебная специализация (военные, морские, коммерческие суды), судьи стали процессуально независимыми и несменяемыми. При этом мировые судьи стали выбираться населением [13].

После Великой Октябрьской Революции система имперского правосудия, была упразднена Декретом Совнаркома РСФСР от 22 ноября 1917 года № 1 «О суде» [14]. Взамен были созданы местные суды, формируемые полномочиями территориальных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Одновременно были ликвидированы институты судебных следователей, прокурорского надзора и адвокатуры [15.С. 68]. Вплоть до принятия Конституции 1937 года судебные органы СССР включались в состав Наркомата юстиции. Одновременно функции рассмотрения уголовных дел по политическим преступлениям были поручены так называемым внесудебным «тройкам» [16. С. 99-115] или позже - Особому Совещанию при НКВД СССР [17. С. 607-611]. Несмотря на послевоенную либерализацию законодательства, регулирующего судебную деятельность, фактическая подконтрольность судов партийным и государственным органам сохранялась вплоть до демократических преобразований начала 1990-х годов. При этом, как и в Китае с конца XIX – начала XX вв. правосудие в России традиционно включало в себя участие представителей населения. Сегодня согласно ст. 47 Конституции Российской Федерации обвиняемые в совершении преступлений имеют право на рассмотрение их дел судами с участием присяжных заседателей в случаях,

предусмотренных федеральным законом (ч. 2 ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Важной особенностью российской судебной системы является ее независимость. В отличие от Китая в России судебные органы неподотчетны другим государственным органам. В рассмотрении уголовных дел участвуют мировые судьи, суды общей юрисдикции, высшей судебной инстанцией для которых является Верховный Суд России. При этом с 2014 года сформирована такая система судопроизводства, когда мировые, районные (городские) суды рассматривают уголовные дела по существу, после чего законность принятых решений пересматривается судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. В рассматриваемом правоприменительном процессе значимое место отводится толкованиям конституционно-правового смысла уголовного и уголовно-процессуального закона, издаваемым Конституционным Судом Российской Федерации. Решения Конституционного Суда России имеют обязательную силу для всех органов правоприменения и обжалованию не подлежат.

Таким образом, современные судебные системы России и Китая в полной мере отражают сложившуюся специфику социально-политических особенностей развития обеих стран. При этом в силу исторических событий постреволюционная Китайская (советская) народная республика во многом восприняла положительный опыт государственного строительства своего Великого северного соседа. Однако в отличие от России, развитие судебной системы Китая показывает относительную процессуальную стабильность. Об этом свидетельствует незначительное количество принятых, измененных и утративших силу нормативно-правовых актов. В Китае - это законы о суде, действующие десятилетиями, подвергавшиеся с момента принятия единичным коррективам. В России же состояние статутного и процессуального законодательства перманентно новеллизируется.

Так или иначе, нарастающая глобализация, а также увеличивающаяся скорость технического прогресса, обмена информацией и транспортного

сообщения объективизирует необходимость не только справедливого разрешения уголовных дел, но и обуславливает оптимизацию сроков их рассмотрения. Большое значение этот вопрос приобретает, когда речь идет о преступлениях, куда вовлечены иностранные граждане и организации. С одной стороны, такие субъекты напрямую заинтересованы в справедливом правосудии, с другой – в силу объективных причин зачастую не могут участвовать в судебных процедурах. Складывающиеся проблемы правоприменения объективно требуют своего научного осмысления, а также соответствующих законодательных предложений.

В этой связи, оценивая вопросы гармонизации российско-китайских отношений, проф. В.А. Авдеев и проф. О.А. Авдеева справедливо отмечают, что модернизация правовой политики на транснациональном уровне требует разработки согласованной стратегии и комплекса совместных мер правового, социально-экономического, информационного и иного характера [18]. Такой подход является универсальным, следовательно, может быть применен и при оптимизации уголовно-правового сотрудничества судебных органов двух стран. Указанная позиция вполне согласуется с новыми тенденциями противодействия коррупции, разрабатываемыми и реализуемыми в Российской Федерации [19- 21].

Еще в сентябре 2015 года председатели высших судебных инстанций России и Китая в ходе личной встречи вели речь об обмене учеными, стажерами, учебниками, а также архивными документами судов [22]. Полезность таких взаимных мероприятий не вызывает сомнений. Демонстрируя курс на взаимовыгодное сотрудничество, Президент России В.В. Путин в своем докладе на экономическом форуме «Один пояс, один путь», прошедшем в Пекине 15 мая 2017 года, отметил, что необходимо создать систему двусторонних и многосторонних соглашений по упрощению регулирования в таких сферах, как таможенное дело, санитарный и фитосанитарный контроль, отраслевое сотрудничество и инвестиции, защита прав интеллектуальной собственности [24]. Россия и Китай должны не только

взаимовыгодно сотрудничать во внешнеэкономической сфере, но и эффективно решать любые возникающие сложности, в том числе в области уголовного судопроизводства. Несовершенство механизмов судебной защиты негативно влияет на инвестиционную привлекательность российской экономики, а также умоляет защищенность прав и законных интересов иностранного гражданина.

Думается, что логическим продолжением намеченного взаимодействия станет работа по оптимизации международно-правового сотрудничества судебных систем. Для этого необходимо разработать и внедрить целый ряд международно-публичных правовых актов, устанавливающих правила официального обмена информацией по уголовным делам, оценку преюдиальности взаимных судебных решений, а также выработки принципиально новых форм разрешения возникающих на практике вопросов, обусловленных географическим соседством России и Китая. Например, важным шагом стало бы внедрение в уголовно-процессуальные кодексы наших стран официальных процедур выполнения взаимных судебных поручений по организации судебных допросов. Ведь с технической стороны такие мероприятия не представляют большой сложности, хотя организационно - невыполнимы.

Таким образом, существенные различия конституционно-правовых постулатов России и Китая сами-по себе не препятствуют выработке механизмов оптимизации сотрудничества судебных органов двух стран. Внедрение частных процедур и механизмов взаимодействия российских и китайских судов при рассмотрении уголовных дел, с одной стороны, будет отвечать общеправовым принципам законности и справедливости судебной деятельности, с другой стороны, способствовать достижению цели эффективизации правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павликов С. Г., Флейшер Н. Б. О формировании теории обеспечения судебной деятельности // Государство и право. 2016. № 6.
2. Быков А.В., Ким Е.П. Эволюция (история развития) российского законодательства по предупреждению преступлений совершаемых служащими органов местного самоуправления // Российская юстиция. М.: Юрист, 2010. № 6. 32 с.

3. Речь В. В. Путина на Семинаре-совещании председателей судов судебной системы РФ 16 февраля 2016 года [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51343> (дата обращения: 15.02.2018).
4. Скосырев В. Независимые суды – угроза для Китая. Независимая газета. [Электронный ресурс] // URL: http://www.ng.ru/world/2017-01-19/6_6908_cina.html (дата обращения 15.02.2018).
5. Быков А.В., Токмаков А.А. Уголовно-правовая защита адвоката: необходимы новации // Евразийская адвокатура. 2017. № 1 (26). С. 71.
6. Гоюй (речи царств) / Пер. с китайского В. С. Таскина; Отв. ред. М. В. Крюков – М.: Наука, 1987. С. 205.
7. Цзэхуэй А. Совершенствование народной юридической системы Китая по образцу реформ юридической системы России // Гармонизация российско-китайских отношений в сфере реализации уголовно-правовой политики на транснациональном уровне // Развитие российско-китайских отношений: новая международная реальность: материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы во Второй мировой войне, Иркутск, 21–22 сент. 2015 г. : в 2 ч. Иркутск, 2016. С. 12.
8. Трощинский П.В. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики // Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов. ИКД Зерцало-М Москва, 2004. С. 314–365. Перевод полного текста УПК КНР на русский язык.
9. Разъяснение Верховного суда КНР «О пределах подсудности дел судам железнодорожного транспорта». Объявление Верховного народного суда КНР № 10-2012. Некоторые положения Верховного суда «О пределах подсудности дел судам железнодорожного транспорта» приняты 2 июля 2012 г. На 1551-м заседании судебного комитета Верховного народного суда КНР, опубликованы и применяются с 1 августа 2012 г. [Электронный ресурс] // URL: http://cnlegal.ru/civil_criminal_administrative_procedure/supreme_court_guidance_railway_transport_courts_jurisdictio_n/; http://pavel.bazhanov.pro/files/China_SPC_Railway_Courts_Jurisdiction_2012_Russian_translation.pdf (дата обращения 15.02.2018).
10. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / Я. Н. Щапов. М., 1976.
11. Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Берлин, 1900, т. 2, с. 208, 212.
12. Лебедев В. Откуда пошел русский суд. От Устава князя Владимира Святославовича до Полного собрания законов Российской империи // Российская юстиция. М.: Юрид. лит., 2003, № 1. С. 8.
13. Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. Т. 1. Петроград: Сенат. Тип., 1914. 786 с. Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. Т. 2 - Петроград: Сенат. Тип., 1914. 831 с.
14. ЭПС «Система ГАРАНТ» : ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия [Электронный ресурс] // URL:<http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения 15.02.2018).
15. Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов : оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 от 30.07.1937 // «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг. Т. 1: 1937 г. М.: (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»: Германский исторический институт в Москве, 2010. Стр. 99-115.
16. Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия : решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П65/116 от 17.11.1938 // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. М.: МФД, 2004. С. 607-611.
17. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Противодействие коррупционной преступности в РФ в контексте имплементации норм международного права // Юридическое образование и наука. 2016. № 3. С. 135-139.
18. Авдеева О.А. История государства и права. Курс лекций. Иркутск, 2005.

19. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Стратегические направления противодействия коррупции в РФ // Российская юстиция. 2016. № 7. С. 19-21.
20. Судебные власти России и Китая договорились об обмене кадрами [Электронный ресурс] // URL:<https://ria.ru/world/20150907/1235003822.html> (дата доступа 15.02.2018).
21. Авдеева Е.В. Международно-правовые гарантии обеспечения безопасности личности в России // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 1. С. 106-109.
22. Заседание круглого стола лидеров форума «Один пояс, один путь» // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс] // URL:<http://kremlin.ru/events/president/news/54496> (дата доступа 15.02.2018).

О.Г. НИКИТЕНКО

Главное управление законодательства и государственного
строительства Секретариата Совета Республики
Национального собрания Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь

СИСТЕМА СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В отечественной доктрине уголовного права, во-первых, отсутствует система преступлений террористической направленности; во-вторых, нет единого, унифицированного подхода к тому, какие составы преступлений, исходя из их уголовно-правовой природы и специфики закрепления признаков в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК), надлежит относить к каждому из элементов системы преступлений террористической направленности. Полагаем, что система общественно опасных деяний террористической направленности складывается из преступлений террористического характера, преступлений вспомогательно-террористического характера и преступлений с признаками терроризирования. Указанные преступные деяния обладают повышенной степенью типовой общественной опасности и рядом общих признаков составов.

Отмечаем, что на законодательном уровне впервые попытка закрепить легальный перечень преступлений террористического характера была предпринята в Декрете Президента Республики Беларусь от 21 октября 1997 г.